

фона. В большей степени автора интересует проблема возможностей развития науки, во многих случаях ставятся важные этические вопросы.

Литература

1. Лем С. Одиссея навигатора Пиркса / Лем С. М.: АСТ, 2009. 448 с.
2. Лем С. Солярис / Лем С. СПб.: Астрель, 2011. 265 с.
3. Лем С. Кибериада / Лем С. М.: Neoclassic, 2009. 192 с.
4. Лем С. Сказки роботов / Лем С. М.: АСТ, 2007. 280 с.
5. Алигер Ф. Робот-поэт [Электронный ресурс], 2017. URL: <https://samsud.ru/archive-konkurs/tvorchesky-konkurs-ni-dnya-bez-strochki/robot-royet.html>

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК ИСТОЧНИК МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА ГАБРИЭЛЯ ГАРСИА МАРКЕСА

*Арзаматов А.Г.
г. Самара, Россия*

Габриэль Гарсиа Маркес – выдающийся колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Определенное влияние на его творчество оказали Кафка, Фолкнер, Вульф, поэзия романсэро. В статье автор анализирует историческую подоплеку его романов.

Ключевые слова: Маркес, Колумбия, гражданские войны, «Осень Патриарха», «Сто лет одиночества», магический реализм, диктаторы.

В 1967 г. аргентинское издательство «Судамерикана» опубликовало роман великого писателя XX века Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Это было время, когда литературные критики всерьез обсуждали смерть романа как традиционного жанра и стремились найти новые формы повествования. Великое творение колумбийского писателя не только показало, какие неисчерпаемые горизонты таит в себе роман, но и ознаменовало рождение нового направления в литературе – «магический реализм».

В повестях и рассказах, написанных до «Ста лет одиночества», Гарсиа Маркес предстает перед нами талантливым, но традиционным реалистом. Это был период, когда писатель находился под влиянием «Метаморфоз» Франца Кафки. Со слов Габриэля Гарсиа Маркеса, Франц Кафка открыл ему новые горизонты в литературе. Еще в университете прочитав сборник рассказов австрийского писателя, он понял, что ему есть, что сказать людям, и что стоит писать [6, с. 103].

Под влиянием Кафки была написана серия довольно интеллектуализированных рассказов, совершенно оторванных от реальной жизни вообще и от той жизни, которую, в частности, вел сам Маркес. Традиционный роман казался ему слишком статичным, фрагментарным, неинтересным.

В одном из интервью писатель признается, что мечтал написать «абсолютно свободный роман», способный глубоко проникнуть в действительность, вывернуть ее наизнанку и показать ее обратную сторону. И он, вернувшись в Аракатаку – родное селение, столкнувшись с совершенно иной реальностью, понял, что литературный инструментарий Кафки ему совершенно не подходит для того, что он хотел написать.

Он не был в Аракатаке около 15 лет и заново узнавал свою родину: дома казались меньше, улицы уже, потолки ниже, люди старше... Наступил своего рода творческий кризис. Маркес бился над проблемой средств выражения и не мог ее решить до тех пор, пока не познакомился с творчеством выдающегося американского писателя Уильяма Фолкнера. Фолкнеровская Йокнапатофа (вымышленный округ в штате Миссисипи) показался Маркесу очень похожим на его родину Аракатаку. Он поехал на юг США, чтобы воочию увидеть те места, о которых писал Фолкнер. Там Маркес нашел причину такой схожести колумбийских поселков с городками юга Соединенных Штатов. И те и другие строила компания «Юнайтед фрут», которая принесла с собой в Латинскую Америку всю бытовую культуру юга США. Благодаря Фолкнеру колумбийский писатель понял, как надо писать об окружающем его мире.

Так появились его первые повести. В них нет никакой фантастики и магии, но уже появляются и городок Макондо, и полковник Аурелиано Буэндиа (повесть «Палая листва», 1955 г.), и молодой бескорыстный казначей, доставивший в день подписания капитуляции золотой запас повстанческой армии («Полковнику никто не пишет», 1961 г.), и тема одиночества. Писатель в одном из своих интервью назвал эти произведения прелюдией к роману «Сто лет одиночества»: «Палая листва» – двадцать пять лет одиночества, «Полковнику никто не пишет» – пятьдесят лет одиночества.

Персонажи этих произведений – вполне прагматичные люди, твердо стоящие на ногах и чуждые какой-либо магии.

В «Палой листве» умирает ненавидимый всей деревней доктор, и полковник Аурелиано Буэндиа, его дочь и внук вдруг понимают, в какой сильной духовной зависимости находились от этого человека и что теперь им предстоит совершенно новая жизнь.

В повести «Полковнику никто не пишет» ветеран «Тысячедневной войны» все ждет и никак не дожидается письма из столицы по поводу пенсии. Его дом заложен, в нем нет ни крошки еды, продана единственно ценная вещь – швейная машинка, но полковник продолжает тренировать и кормить своего бойцовского петуха, в надежде выиграть на петушиных боях неплохие деньги для друзей своего убитого сына Агустина, занимающихся подпольной оппозиционной деятельностью.

Еще одна выдающаяся фигура в мире модернизма 1-й половины XX века оказала на Габриэля Гарсиа Маркеса влияние – Вирджиния Вульф. Благодаря британской писательнице у него появилось острое ощущение времени, что помогло ему писать его магическо-реалистические произведения.

И самое значительное влияние на творчество Габриэля Гарсиа Маркеса оказала поэзия романсеро. Испанская поэзия «Золотого века» научила его поэтическому выражению мира, равно как и примитивная карибская музыка.

А вот реалии Латинской Америки стали источником для такого магически-реалистичного романа. Только в Латинской Америке мог родиться тот жанр, который Алехо Карпентьер назвал «магическим реализмом». Сама реальность этого континента вообще, а карибских стран в частности – магическая и чудесная. Здесь смешались индейская, испанская, африканская, арабская культуры... Родину Габриэля Гарсиа Маркеса населяют белые, креолы, негры, мулаты, индейцы, метисы, чоло... У каждой этнической группы своя ментальность, свои верования, традиции, обычаи. Здесь есть люди, обладающие даром предвидения, даром лечить одной молитвой. Писатель в интервью, данном журналистам в московской редакции журнала «Латинская Америка» в январе 1980 г., рассказал о том, что сам лично «видел одного человека, умеющего лечить коров, у которых в ушах заводились черви: он становился от них на некотором расстоянии и начинал читать молитву, а черви уже мертвые сыпались из ушей и уши совершенно очищались» [6, с. 112-113].

Фантастична природа Колумбии: на сравнительно небольшой территории сосредоточено многообразие пейзажей: от заснеженных гор, ледяных пустынь до влажных заболоченных низменностей и непроходимых

тропических лесов. Здесь месяцами идут дожди, в результате землетрясений за одну ночь появляются и исчезают озера, реки меняют русло, разливаются на десятки километров или уходят под землю. И в фантастическом городе Макондо после резни, устроенной банановой компанией, 10 лет идет дождь.

Писатель не должен пытаться объяснить эту реальность, он просто должен в нее верить и писать так, чтобы в нее поверил читатель. И Маркес обладал именно таким даром. В качестве опоры для своей фантазии он использовал детали, взятые из реальной жизни. Маркес сознавал, что у писательской фантазии есть свои пределы. Чтобы выйти за рамки принятого, необходимо создать другую, свою собственную метрическую систему и подчиниться ей. Но совсем выйти из реальности ты не можешь, ибо нарушаются какие-то связи, и читатель перестает верить тому, что пишет писатель.

Почему читатель верит в вознесение Ремедиос Прекрасной? А потому, что она взлетает на небо не в гондоле воздушного шара, не на вертолете, а на белых простынях [1, с. 217]. Как и верит в то, что, выпив чашку густого дымящегося шоколада (не кофе, не чая, не текилы, наконец), падре Никанор, распростерев руки перед собой и закрыв глаза, поднимается над землей перед изумленными жителями Макондо на двенадцать сантиметров. И верит в то, что все шестнадцать внебрачных сыновей полковника Аурелиано Буэндия были убиты в один день выстрелами в несмываемые кресты из пепла, оставшиеся на их лбах после миропомазания.

Есть в романе «Сто лет одиночества» интересная аллюзия. В начале романа жителей Макондо охватывает эпидемия бессонницы, они начинают забывать названия элементарных вещей, все более и более утрачивают память и, теряя связь с прошлым, постепенно превращаются в идиотов. От фантастической эпидемии их спасает сказочное лекарство цыгана Мелькиадеса. В конце романа сказка превращается в реальность, от которой не спасет никакое лекарство: антинародное правительство всеми средствами (от фальсификации школьных учебников до физического устранения оппозиционеров) вытравливает из сознания народа память о прошлом, сочиняя легенду о «счастливом городе», в котором «ничего никогда не происходило и не происходит». Так физическое опустошение Макондо завершается опустошением моральным.

Габриэль Гарсиа Маркес со страниц романа призывает беречь исторический опыт прошлого, ибо он есть оружие в борьбе за будущее.

По словам Габриэля Гарсиа Маркеса, его всегда интересовала проблема власти. В этом плане роман «Сто лет одиночества» перекликается с романом «Осень патриарха». Здесь как бы два пути, исходящие из точки бифуркации.

Один путь – путь полковника Аурелиано Буэндиа, проигравшего свои 32 гражданские войны. Второй путь – путь Патриарха, выигравшего гражданскую войну и ставшего кровавым диктатором.

Геринельдо Маркес, соратник по оружию, которого полковник Аурелиано Буэндиа собирается расстрелять (а это его близкий друг и товарищ), говорит ему, что если он выиграет войну, то станет самым кровавым диктатором в истории страны. И в романе есть такой момент, когда полковник действительно может победить в войне, стать самым кровавым диктатором, понимает это и ... делает все, чтобы войну проиграть [1, с. 157]. А проиграть гражданскую войну, пишет Маркес, было не менее трудно, чем выиграть ее. Интересно, что здесь колумбийский писатель вводит в повествование своего реально существовавшего деда, полковника Николаса Рикардо Маркеса. Именно дед рассказывал своему внуку народные предания, познакомил его с историей страны и историей колумбийских гражданских войн, в которых он сам участвовал. А в стране реально с 1830 по 1903 гг. прошло 9 гражданских войн, 14 локальных восстаний и 3 военных путча. Борьба шла между олигархическими группировками, одна из которых именовала себя партией консерваторов, а другая – партией либералов.

Когда в 1830 г. легендарный Симон Боливар удалился от власти (в романе «Генерал в своем лабиринте» [5] Гарсиа Маркес в присущем ему жанре магического реализма, когда легенда превращается в реальность, а реальность в миф, описал последнее путешествие Освободителя из Боготы на побережье Колумбии, путешествие из мира живых в мир мертвых, путешествие по дороге воспоминаний, путешествие, в котором генерал сводит счеты со всеми, кого он когда-то любил и ненавидел), в Великой Колумбии сразу же начались столкновения между его преемниками. Обязанности президента страны стал временно исполнять полковник Доминго Кайседа. Против него восстал венесуэльский батальон, находившийся в Боготе и поддерживавший генерала Урданету. С ним вступил в схватку колумбийский батальон, выступивший на стороне Сантандера, национального героя Колумбии и бывшего командующего патриотической армией. Колумбийцы были разбиты, и власть оказалась у Урданеты. Однако колумбийские генералы Обандо и Лопес его не поддержали, и в стране началась первая гражданская война, которая вернула власть законному президенту Доминго Кайседе. Однако из государства Великая Колумбия вышли Эквадор и Венесуэла, а оставшиеся в нем территории (современные Колумбия и Панама) стали называться Республика Новая Гранада. Президентом стал генерал Сантандер, идеология которого легла в основу Колумбийской либеральной партии, остающейся до

сегодняшнего дня одной из ведущих партий Колумбии. Другой ведущей партией стала Колумбийская консервативная партия, созданная бизнесменом Мариано Ospina и поэтом Хосе Эйсебио Каро. В зависимости от обстоятельств и либералы, и консерваторы не раз меняли свои программы, заключали и нарушали соглашения между собой.

В 1839 г. гражданская война разразилась уже в Новой Гранаде. В историю она вошла как «Война Высших», ибо восставшие против центрального правительства генералы объявили себя «высшими начальниками» над контролируемыми ими 12 из 20 провинциями. Только в 1841 г., после бегства лидера «Высших» генерала Обандо в Перу и под давлением англичан, враждующие стороны прекратили боевые действия.

Амнистированные под влиянием европейских революций 1848-49 гг., либералы быстро восстановили свои силы и провели ряд реформ, упразднивших рабство, провозгласивших политические свободы, отменивших церковную десятину, упразднивших церковные суды. Развязанная консерваторами в 1851 г. гражданская война закончилась их поражением и принятием в 1853 г. новой Конституции. Но не прошло и года, как в 1854 г. генерал Мело арестовал президента, провозгласил себя диктатором и отменил Конституцию. В начавшейся новой гражданской войне погибло 4000 человек.

Противостояние либералов и консерваторов привело к еще одной гражданской войне, вспыхнувшей в 1860 г. и продолжавшейся в течение двух лет. Повстанческая армия захватила Боготу. Президент был арестован. В итоге была принята новая Конституция и появились Соединенные штаты Колумбии.

Но и в этом государстве шли постоянные конфликты между военными группировками, либералами и консерваторами. Попытка либералов отделить школу от церкви вызвала в 1876 г. восстание в одном из колумбийских штатов, быстро переросшее в масштабную гражданскую войну. Масло в огонь подлила Католическая церковь, назвав борьбу повстанцев «священной». Только в 1878 г. либералам удалось одержать победу и изгнать из страны четырех епископов.

В 1884 г. против централизаторской политики президента Нуньеса радикальные либералы развязали новую гражданскую войну. Повстанцев поддержали генерал Эскобар и полковник Маркес. Многочисленные и довольно кровопролитные (только в бою при Санта-Барбара-де-Картаго повстанцы потеряли 500 человек убитыми и 1000 ранеными) сражения длились до ноября 1885 г. и завершились победой правительственных войск,

отменой Конституции 1863 г., принятием новой Конституции и трансформацией государства в Республику Колумбия.

Еще более кровопролитной и жестокой стала «тысячедневная война» 1889-1903 гг., которая нанесла серьезный урон колумбийской экономике и унесла жизни, по разным подсчетам, от 80 тысяч до 130 тысяч человек. В итоге Колумбия потеряла Панаму.

Во всех этих войнах победители, приходя к власти, занимали правительственные посты, конфисковали земли побежденных.

Габриэль Гарсиа Маркес не описывает историю колумбийских войн. Правда, однажды он признался: «Для меня война в Колумбии не закончена». В войне на стороне либералов принимал участие и герой романа «Сто лет одиночества» полковник Аурелиано Буэндия, и герой повести «Полковнику никто не пишет». Писателя интересует психологический портрет человека, пошедшего воевать за справедливость и ожесточившегося на этой войне, потерявшего привязанность к семье и любовь к родине.

В романе, как и в реальной жизни, после гражданских войн в Макондо приходит банановая компания «Юнайтед Фрут». Город начинает процветать, а Аурелиано Второй фантастически богатеет, т.к. его скот магически размножается во время его занятий любовью с Петрой Котес. Но затем, опять же как и в реальной жизни, во время одной из забастовок Национальная армия расстреливает рабочих, а их тела грузят в вагоны и сбрасывают в море. В 1928 г. компания «Юнайтед Фрут» с помощью правительственных войск устроила жестокую резню забастовщиков.

Роман «Осень патриарха» можно рассматривать как повествование о том, что стало бы, если бы победил полковник Аурелиано Буэндия. Философия диктатуры, психология и личность диктатора всегда интересовали латиноамериканских писателей. Как-то мексиканскому писателю Карлосу Фуэнтосу пришла мысль предложить известным писателям написать роман о диктаторе своей страны и издать их творения в книге «Отцы родины». Замысел остался невыполненным, но...

Мигель Отеро Сильва стал писать о Хуане Винсенте Гомесе (Венесуэла). Алехо Карпентьер – о Херардо Мачадо (Куба), Хуан Бош – о Рафаэле Трухильо (Доминикана), Роа Бастос – о Гаспаре Франсиа (Парагвай), а сам Карлос Фуэнтес – об Антонио Санта-Ане (Мексика). Сразу скажем, что замысел остался невоплощенным. Но в итоге из-под пера Алехо Карпентьера вышли «Превратности метода», а Роа Бастос написал замечательный роман о докторе Франсиа «Я, Верховный».

У Габриэля Гарсиа Маркеса «своего» диктатора не было. Удивительно, но он жил в стране, где при обилии гражданских войн не было военной

диктатуры. И Маркес стал рисовать собирательный образ диктатора. Не современного ему технократа, а диктатора старого образца, диктатора-феодала, диктатора, в которого порой влюбляется, которого порой идеализирует, обожествляет темный, невежественный народ. Так, похороны того же Трухильо, убитого заговорщиками в 1961 г., вылились в апофеоз и его культ. А потом проходит время, и тот же народ начинает свои танцы на костях диктатора. Не так ли было и в СССР, когда в марте 1953 г. толпы народа плакали и давились на похоронах Иосифа Сталина, уже через три года, внезапно прозрев после речи Никиты Хрущева на XX съезде, смело на всех углах осуждали сталинский культ личности, а еще через пять лет вынесли его тело из мавзолея.

Замысел романа о диктаторе «Осень патриарха» возник у Маркеса еще до «Ста лет одиночества» в Гаване, во время суда над Сосой Бланко, генералом свергнутого кубинского диктатора Батисты. Он был настоящим военным преступником, применял тактику выжженной земли во время борьбы с революционной армией Фиделя Кастро.

Суд проходил во дворце спорта с 7 вечера до 6 утра. Подсудимый находился в центре стадиона. Здесь же был и весь состав суда. Вокруг были десятки журналистов, телекамер, телетайпов газет и агентств, которые вели прямую трансляцию, в том числе и в США. И всю ночь шли оставшиеся в живых жертвы преступлений этого человека и родственники погибших от рук карателей. Страшный парад женщин в черном. Все преступления были доказаны, и на рассвете был зачитан приговор – смертная казнь. По словам Маркеса, а он находился напротив Бланко, ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь слегка задрожали колени. Тогда-то и возникла мысль написать книгу о диктаторе, которого судят и который в этот момент рассказывает о своей жизни. Но вскоре он понял, что такое построение романа свяжет автора по рукам и ногам. И он не сможет пользоваться своим языком. В течение 10-12 лет Маркес читал все, что мог найти о латиноамериканских диктаторах. Потом он постарался все забыть и на основе всего, что знал, сочинить свою историю своего диктатора, не копируя ни одного реального случая. Таким образом, его диктатор не был списан ни с одного из реально существующих каудильо, но в то же время он походил на всех них.

Больше всех «Патриарх» походил на диктатора Хуана Висенте Гомеса, менее всего – на диктаторов из семейства Сомосы.

Гомес был яркой личностью. 7 лет с 1908 по 1935 гг. он правил жесткой рукой Венесуэлой. Его отличали и поразительная народная мудрость, и интуитивный ум. Этот малограмотный пастух крупного рогатого скота в 28 лет познакомился с известным венесуэльским заговорщиком

Сиприано Кастро, который сделал его полковником автономной армии штата Тачира. В 1892 г. их обоих выслали в Колумбию. Там они собрали своих сторонников и в 1899 г. захватили Каракас. Гомес стал губернатором федерального округа, а затем и вице-президентом Венесуэлы. Его популярность выросла после подавления в 1902 г. восстания землевладельцев. В 1908 г. он совершил военный переворот, отстранив своего друга Кастро от власти. Новый диктатор начал правление с сокращения президентского срока до 4 лет, амнистии политзаключенным и эмигрантам, восстановления свободы прессы. В 1910 г. он был избран президентом страны. Оставаясь, по сути, диктатором, Гомес стремился придать своему авторитарному режиму демократические черты. Покидая по истечении четырех лет президентский пост, он изменил конституцию, объявив себя конституционным диктатором [8, с. 28]. В 1922 г. он увеличил под себя президентский срок до 7 лет. Предоставив всю реальную власть Верховному главнокомандующему и оставив за президентом лишь представительские функции, Гомес отказался в 1929 г. от президентства. Надо ли говорить, что сам Гомес стал Верховным главнокомандующим? Однако в 1931 г. он вновь занял президентский пост, вернув себе все полномочия. На ведущие посты Гомес назначал своих друзей и земляков. Он сосредоточил в своих и их руках денежные потоки, в том числе от продажи полезных ископаемых, поставил под прямой контроль сбор налогов. Оппозиционеров стали преследовать, конфисковывать их собственность, отправлять на каторжные работы. Даже родной брат диктатора был убит в 1923 г., так как был заподозрен в попытке захватить власть. Гомес запретил все политические партии. Свой авторитарный режим он оправдывал неспособностью венесуэльцев к самоуправлению и тем, что он является единственным способом поддержать в стране мир, стабильность и порядок, преодолеть анархию и преступность, обеспечить социально-экономический прогресс. Последние годы жизни «Отец нации» перестал появляться на публике, жил затворником в своей резиденции в Маракае, встречаясь только с родственниками и близким окружением. Его смерть в 1935 г. вызвала всеобщее ликование венесуэльцев, которые, подобно персонажам «Осени патриарха», разгромили ряд правительственных зданий и особняков сподвижников диктатора, устроили на улицах беспорядки и столкновения с полицией. В то же время в правление Гомеса Венесуэла расплатилась со всеми внешними долгами и вышла на второе место в мире по добыче нефти. И венесуэльцы не смогли устоять перед искушением реабилитировать его и назвать «великим венесуэльцем», несмотря на его зверства и жестокость.

«Осень патриарха» писалась в тот момент, когда в Латинской Америке не было уже диктаторов старого образца: Перона свергли, Трухильо убили. Маркес едет в Испанию, где доживал свои дни последний диктатор классического типа – генералиссимус Франко.

И здесь начинаются мистические события.

Маркес в Барселоне пишет эпизод, где жена диктатора едет с сыном на рынок на машине мужа, в которую был заложен динамит. И когда она приезжает на рынок, то раздается взрыв, и ее машина взлетает на воздух.

Эпизод написан, но 20 декабря 1973 г. происходит покушение на премьер-министра Испании адмирала Карреро Бланко, практически такое же, как описано в романе Маркеса. Адмирал рассматривался консервативными кругами Испании как преемник диктатора Франко. По закону 1972 г. функции главы правительства и председателя «Национального движения» должны перейти именно к нему в случае смерти или недееспособности диктатора. Адмирал выступал за экономическую модернизацию Испании, поддерживал курс на большую открытость с европейскими странами, но при этом был противником либерализации и демократизации политической жизни страны. Террористы из ЭТА прорыли тоннель под проезжей частью улицы, по которой проезжал часто премьер-министр, и заложили туда взрывчатку. Взрыв был такой мощной силы, что машину забросило на балкон соседнего монастыря на противоположной стороне здания, и ее не сразу нашли.

Пришлось Маркесу срочно переделывать эпизод. В итоге в роман вошла история о бойцовских псах, которых натаскивали, чтобы они на рынке растерзали Летисию Насарено – жену «Патриарха». Писатель считал, что его роман только выиграл от этого, так как второй вариант в литературном и гуманистическом смысле оказался гораздо ярче первого.

Иначе дело обстояло с концом романа. Маркес не знал, как закончить книгу. Ждал смерти генералиссимуса, чтобы увидеть, как будет выглядеть его смерть. А тот все не умирал. Так и не дождавшись смерти Франко, Маркес написал последние строки и напечатал роман. Не прошло и года, как диктатор Испании умер, и его смерть превзошла литературный вымысел. Франко умирал в течение полутора месяцев, перенес два инфаркта и потеряв 2/3 желудка [9]. Чтобы выиграть время и обеспечить спокойный переход от диктатуры к правлению короля Хуана Карлоса I, ему делали операцию за операцией. Его супруга Кармен Поло требовала от врачей, чтобы они прекратили мучить мужа. А он сам, придя в сознание, произнес фразу, облетевшую всю страну: «Никогда не думал, что так тяжело умирать...».

В «Осени патриарха» обстановка во многом напоминает ту, в которой жила Испания времен Франко. Однако гораздо больше в романе реалий Латинской Америки: здесь и кубинские, и мексиканские, и одна пуэрториканская песни. Они рассыпаны по всему роману. И на страницах романа появляется великий поэт эпохи великих диктаторов никарагуанец Рубен Дарио. В реальной жизни этот замечательный поэт действительно объехал всю Центральную и Южную Америку: Гватемала, Куба, Панама, Мексика, Чили, Аргентина, Коста-Рика, Сальвадор... Вот неполный перечень его путешествий. А были еще и Испания, и Франция. Девиз французского поэта Верлена «музыка превыше всего» стал принципом поэзии Рубена Дарио. Его отличали лексическая изысканность, поэтическая речь, мелодика стиха [7]. «Осень патриарха» буквально наполнена его поэзией и обыгрывает его язык. Маркес признавался, что в текст романа, особенно во время выступления Дарио, когда он читает свои стихи, целиком вкраплены фразы из его «Los claros clarines».

Таким образом, в «магическом реализме» Габриэля Гарсиа Маркеса реальность, и именно реальность Латинской Америки, на самом деле и является настоящим чудом и настоящей магией.

Литература

1. Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества. М.: Художественная литература, 1971. 400 с.
2. Гарсиа Маркес Г. Палая листва. Полковнику никто не пишет. М.: Прогресс, 1972. 144 с.
3. Гарсиа Маркес Г. Недобрый час. Роман и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1975. 208 с.
4. Гарсиа Маркес Г. Осень патриарха. М.: Художественная литература, 1978.
5. Гарсиа Маркес Г. Генерал в своем лабиринте. М.: АСТ, 2011. 314 с.
6. Латинская Америка. М.: Наука, 1980. № 1. С. 96-114.
7. Рубэн Дарио. Избранное. Сост., предисл. и примеч. В. Столбова. М.: Художественная литература, 1981. 320 с.
8. Афанасьев О.Ю. Принципы взаимоотношений президента и Национальной Ассамблеи Венесуэлы // Пробелы в российском законодательстве. М., 2010. № 2.
9. Креленко Д.М. Франсиско Франко: путь к власти. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. 216 с.